
Доминика Шэдоу
"Любимая"
крепость
18+

Доминика Шэдоу

"Любимая" крепость

«Автор»
2026

Шэдоу Д.

"Любимая" крепость / Д. Шэдоу — «Автор», 2026

Один честный отказ — и блестящая жизнь известного актёра Михаила Юсупова разрушена до основания. За три недели всесильный чиновник отнял у него всё: карьеру, дом, деньги и даже прежних друзей. Но у Михаила осталось главное — его честь и достоинство.Когда надежды почти не остаётся, судьба приводит его в уединённый лесной особняк. Его хозяйка Александра — сильная, закрытая женщина, построившая собственную бизнес-империю. И только она знает, что за стенами её крепости оказался мужчина, которого она тайно и безответно любила долгие годы.Сможет ли эта встреча исцелить две одинокие души и выстоять против тех, кто привык ломать чужие судьбы?

© Шэдоу Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог. 5
Глава 1 6
Глава 2 8
Глава 3 10
Глава 4 13
Глава 5 15
Глава 6 17
Глава 7 21
Конец ознакомительного фрагмента. 25

Доминика Шэдоу
"Любимая" крепость

Пролог.

Всесильный чиновник уничтожал его методично, со смаком. Михаил Юсупов совершил в глазах столичной элиты непростительную глупость — в начале марта, прямо накануне женского праздника, он твёрдо и честно ответил «нет» избалованной дочери человека, чьё имя вслух произносили с благоговейным трепетом. Испорченный триумф и уязвлённое самолюбие дочь не простила. Отец — тем более.

Мишу ломали через колено три недели. К концу марта от его успешной жизни не осталось камня на камне. Сначала «по техническим причинам» заморозили съёмки в масштабных сериалах, где он играл главные роли. Затем федеральные каналы прислали сухие уведомления о расторжении контрактов. Дальше — больше. Под надуманным предлогом у Юсупова отобрали абсолютно всё: счета аннулировали, загородный дом и Escalade конфисковали, безжалостно переписав на чужие имена. У пятидесятипятилетнего артиста не осталось вообще ничего, кроме графитового кашемирового пальто. Даже чемодан со своими немногими вещами, как и любимого лабрадора, Мише пришлось оставить у друзей — они согласились приютить собаку и взять на время его сумки, но побоялись пустить под свою крышу самого опального артиста, опасаясь гнева чиновника. Юсупов остался буквально на улице, без единого гроша.

И все эти двадцать с лишним дней за каждым шагом артиста неотрывно наблюдал Игорь.

Игорь знал, какая огромная, выстраданная тайна уже много лет живёт в сердце Александры. Он знал, что она любит Мишу настолько сильно и отчаянно, что ей было физически больно следить за его жизнью, за его успехами и романами у экрана. Чтобы не сойти с ума от этой невозможной любви на расстоянии, Александра полностью отгородилась от новостей о нём, с головой уйдя в свой жёсткий бизнес и сложнейший международный проект. Она понятия не имела, что Юсупова планомерно вбивают в землю.

Игорь молчал сознательно. Правая рука Александры прекрасно понимал её характер: узнай она о беде Михаила в первый же день, она бы бросила миллиардные контракты, сожгла все свои ресурсы и пошла бы открытой войной на всесильного чиновника, рискуя собственной империей. Игорь не мог этого допустить. Ему нужно было выждать момент, когда Миша останется абсолютно один, на самом дне.

Этот момент настал в сырой мартовский четверг, в 13:00, в небольшой уютной кофейне на окраине Москвы.

****

Глава 1

В небольшой уютной кофейне на окраине Москвы пахло свежемолотым кофе, ванилью и сырым мартовским дождём. В час дня зал с приглушённым тёплым светом, мягкими диванчиками и тёмным деревом в отделке был почти пуст.

Михаил сидел за угловым столиком у окна, глядя, как по стеклу ползут тяжёлые серые капли. На спинке стула висело то самое графитовое пальто — единственное, что напоминало о его прошлой жизни. Перед ним стояла пустая чашка из-под чёрного американо.

Когда официант принёс счёт и терминал, Юсупов с привычным спокойствием приложил карту, но на экране тут же высветился красный отказ. Вторая карта выдала ту же ошибку — до последнего резервного счёта люди чиновника добрались буквально час назад.

Ни один мускул не дрогнул на лице Михаила. Он не стал спорить, суетиться или оглядываться по сторонам. Лишь сдержанно, с тихим достоинством произнёс:

— Простите, молодой человек, техническая накладка. Оставьте в залог мои часы, я вернусь через пару часов и всё закрою.

Он уже расстегнул кожаный ремешок, когда от соседнего столика поднялся мужчина лет тридцати в безупречно скроенном тёмном костюме — сдержанный, собранный, с цепким взглядом человека, привыкшего просчитывать всё на десять шагов вперёд. Он спокойно шагнул к ним и негромко сказал официанту:

— Всё в порядке, я оплачу за своего друга.

После чего приложил свою карту к терминалу, закрыв счёт. Когда официант кивнул и отошёл, мужчина повернулся к Михаилу. Остановившись в шаге от стола, он чуть склонил голову в знак искреннего, не показного уважения и произнёс:

— Добрый день, Михаил Олегович. Позволите присесть? У меня к вам разговор.

Михаил поднялся, расправив широкие мужские плечи. В его тёмных карих глазах вместо благодарности вспыхнула жёсткая, волчья настороженность артиста, которого уже однажды растоптала уязвлённая женская гордость.

— Кто вы такой? — хрипло спросил он.

Игорь не стал давить. Он спокойно отодвинул стул и сел за стол напротив Юсупова.

— Здравствуйте. Меня зовут Игорь, — ровно представился он, жестом предлагая Михаилу тоже сесть. — Присядьте, Михаил Олегович. Нам нужно поговорить.

Михаил медленно опустился обратно на стул, не сводя с незнакомца тяжёлого, пронзительного взгляда:

— Я слушаю вас, Игорь. Надеюсь, у вас есть веская причина вмешиваться в мою жизнь.

— Более чем, — Игорь оставался абсолютно спокоен. — Я знаю, кто устроил вам этот ад в последние три недели. Знаю, что у вас отобрали дом, машину, счета, а вещи и собаку пришлось оставить у друзей. Прямо сейчас вам действительно некуда идти. Я здесь, потому что одному человеку не безразлична ваша судьба. И этот человек точно сумеет вам помочь.

Миша горько усмехнулся. Он сидел прямо, не касаясь спинки стула, и крепко сцепил пальцы в замок на столе — так сильно, что побелели костяшки. Внутри пятидесятипятилетнего мужчины раскалённым металлом пульсировала жёсткая, защитная паранойя.

— Помочь? — с лёгким нажимом переспросил артист. — И какова цена этого внезапного благородства? Что от меня потребуется взамен?

— Ничего, кроме вашего согласия, — отрезал Игорь, глядя прямо в глаза Юсупову. — Машина ждёт на улице. Пойдёмте, Михаил Олегович. Хватит испытывать судьбу.

В кофейне повисла густая, напряжённая тишина, нарушаемая только мерным стуком дождя по оконному стеклу. Михаил смотрел в спокойные, непроницаемые глаза сидящего напротив мужчины и пытался просчитать подвох. Но за три недели травли он слишком хорошо

научился отличать шакалов, пришедших добить, от тех, кто привык держать слово. Взгляд Игоря был прямым и честным.

Терять Юсупову действительно было больше нечего — разве что остатки гордости, которые не согреют на сырой мартовской улице.

Михаил разжал побелевшие пальцы, медленно поднялся из-за стола и снял со спинки стула графитовое кашемировое пальто. Накинув его на плечи и привычным, безупречным движением застегнув пуговицы, он коротко кивнул:

— Идёмте, Игорь.

Через минуту стеклянная дверь кофейни тихо звякнула за их спинами. Михаил шагнул под холодный мартовский дождь к чёрному внедорожнику, припаркованному у обочины, ещё не зная, что эта поездка навсегда изменит не только его жизнь, но и судьбу женщины, которая ждала этого шанса долгие годы.

Глава 2

— Идёмте, Игорь.

Через минуту стеклянная дверь кофейни тихо звякнула за их спинами. Михаил шагнул под холодный мартовский дождь к чёрному внедорожнику, припаркованному у обочины, ещё не зная, что эта поездка навсегда изменит не только его жизнь, но и судьбу женщины, которая ждала этого шанса долгие годы.

****

В салоне чёрного внедорожника пахло дорогой кожей и свежестью. Как только тяжёлая дверь за спиной Михаила глухо захлопнулась, отрезая промозглый шум мартовской улицы, Игорь сел за руль и плавно тронулся с места.

Юсупов устроился на заднем сиденье, даже не расстегнув пуговицы графитового пальто. Он сидел прямо, машинально отмечая в памяти названия проспектов и повороты на выезде из города. За последние три недели, когда от него отвернулись даже те, кого он десятилетиями называл друзьями, доверие стало непозволительной роскошью.

— Куда именно мы едем, Игорь? — негромко, но твёрдо спросил Михаил, глядя в зеркало заднего вида на спокойное лицо собеседника.

— За город, Михаил Олегович. Скоро сами всё увидите, — ровно ответил Игорь.

Уже когда они выехали на загородную трассу, Игорь снова посмотрел в зеркало заднего вида и прямо предупредил артиста:

— Михаил Олегович, чтобы вы понимали — этот человек, который сумеет вам помочь, девушка.

Миша промолчал, но его челюсти жёстко сжались. Внутри пятидесятипятилетнего артиста поднялась удушливая, ядовитая волна негатива. «Девушка. Ещё одна избалованная девчонка с бездонными карманами влиятельного папочки, возомнившая себя вершительницей судеб. Им что, мёдом намазано вокруг меня? Одна растоптала, отобрала всё под корень за один честный отказ перед Восьмым марта, вышвырнув на улицу. Теперь вторая… Какую грязную игру она затеяла? Купила моё спасение за чашку кофе, чтобы потом выставить счёт, от которого я не отмоюсь? Что она потребует взамен на этот раз? Моё имя? Мою свободу? Остатки моей растоптанной гордости?»

Пока они ехали по шоссе, Игорь набрал номер. Так как за рулём он всегда говорил по телефону через встроенную систему громкой связи, салон автомобиля мгновенно заполнил сигнал вызова. В тишине загородного дома телефон ожил в руках Александры.

- Привет. Ты где? — раздался в динамиках спокойный голос Игоря, в котором сразу слышалась теплота старой дружбы.

— Привет. Дома, — коротко ответила Александра, перелистывая отчёты по своему международному проекту.

Услышав этот благородный, низкий и непривычно спокойный голос, Миша невольно замер, вслушиваясь в каждую вибрацию. В его голове промелькнула странная, сбивающая с толку мысль: «А голос… совсем не похож на ту капризную дрянь. В нём нет дешёвого пафоса. Слишком ровный. Слишком уверенный, будто она привыкла командовать армиями, а не устраивать истерики перед Восьмым марта. Что же ты потребуешь взамен за этот свой покой?»

— Я сейчас приеду. Я не один, скоро буду, — так же ровно продолжил Игорь и сразу завершил вызов, не дав ей времени ничего спросить.

Александра посмотрела на погасший экран и отложила телефон на стол, с лёгким любопытством недоумевая, кого Игорь везёт.

А вскоре после этого звонка внедорожник свернул с оживлённой трассы на узкую асфальтированную дорогу, ведущую прямо в густой хвойный лес. Вокруг не было ни жилых посёлков,

ни фонарей — только тёмные, намокшие от мартовского дождя стволы сосен и елей, плотной стеной подступающие к обочине.

Юсупов посмотрел на безлюдную лесную чащу, и внутри него не дрогнул ни один мускул. В голове спокойно, почти равнодушно мелькнула простая мысль: «Вот и всё. Значит, его подослал чиновник, чтобы просто убить меня по-тихому в лесу…» Ни страха, ни желания выпрыгнуть на ходу или торговаться за жизнь не возникло — за эти недели из него выжгли всё, за что можно было бы цепляться.

Но через несколько минут, когда Михаил уже окончательно приготовился к худшему, лесная дорога вдруг вывела их к высоким кованым воротам, за которыми в просвете вековых сосен показался двухэтажный особняк из тёмного камня с тёплым, мягким светом в панорамных окнах. Ворота бесшумно разъехались в стороны, пропуская машину.

Юсупов едва заметно усмехнулся уголком губ и медленно выдохнул. Ощущение близкой смерти отступило так же тихо, как и пришло, сменившись усталой, горькой иронией бывалого артиста: «Значит, всё-таки не расстрел в чаще. Что ж, декорации сменились — посмотрим, какой спектакль приготовила хозяйка этого дома».

Чёрный внедорожник плавно заехал на уединённую территорию особняка. Едва Игорь заглушил мотор и они вышли наружу, мартовская сырость встретила Мишу глухой лесной тишиной — изнутри дома ни единого звука на улицу не проникало.

Миша шёл напряжённо, словно натянутая струна, с холодным, настороженным прищуром оценивая высокий каменный фасад и тишину вокруг. По пути к крыльцу они с Игорем негромко переговаривались: Игорь спокойно давал пояснения, стараясь уважительным диалогом немного сгладить напряжение артиста.

Переступив порог просторного холла, Миша сразу услышал тихо, но отчётливо игравшую музыку — глубокую, драматичную «Je ne suis qu'une chanson» Бруно Пеллетье, чьи аккорды плыли по коридорам. Юсупов невольно уловил этот надрывный, благородный французский вокал артиста, поющего о своей обнажённой душе, и эта мелодия странным образом срезонировала с его собственной измотанностью.

В холле их встретила пожилая женщина, которая вместе с мужем помогала Александре по хозяйству и бережно хранила конфиденциальность этого места. Игорь вежливо поздоровался с ней и тихо спросил:

— Где Саша?

— В библиотеке, — так же негромко ответила женщина.

Александра в этот момент сидела в глубоком кресле у окна с раскрытой книгой. Ей было тридцать шесть лет. Она была очень богата и принципиально непублична — в Сети не существовало ни одной её фотографии, она не любила сниматься. Стройная, невысокая, ростом сто шестьдесят пять сантиметров, она несла в себе редкую, почти осязаемую породу. Её внутренний стержень держался на трёх китах: благородстве, достоинстве и чести. Но за этой безупречной броней скрывалась перенесённая в прошлом тяжёлая личная драма, из-за которой она больше никому не верила, кроме Игоря.

В дверь библиотеки раздался короткий, уверенный стук. Александра сразу подняла голову от страниц.

— Войдите, — спокойно ответила она.

Тяжёлая створка открылась, и Игорь зашёл первым. На его лице играла лёгкая, поддерживающая улыбка. С порога он звучно произнёс:

— Встречай гостя. Михаил Олегович Юсупов.

И одновременно с этими словами через порог уверенно шагнул Миша.

Глава 3

Александра была глубоко шокирована, увидев его здесь, наяву, но мощный внутренний стержень позволил мгновенно взять себя в руки. Она плавно закрыла книгу и с нежной, лёгкой улыбкой поднялась навстречу. Перед ней стоял он — её далёкая, невозможная любовь. Измотанный, опустошённый, но сохраняющий свою безупречную мужскую стать.

Михаил Олегович замер посреди залитой приглушённым дневным светом библиотеки. Перед ним стояла невероятно красивая, стройная женщина в изысканном кремовом платье в пол — современном, но в величественном стиле графини. Её длинные волосы были аккуратно убраны в причёску, скрывая длину, которую артист сейчас и не думал разглядывать. На ней вообще почти не было украшений — никакого обилия золота или камней, только одно аккуратное, не массивное кольцо из белого золота на указательном пальце правой руки. Его поверхность украшали символы благородства, достоинства и чести, а в самом центре горел небольшой синий сапфир.

Миша скрестил свой пронзительный взгляд с её глазами. Внутри пятидесятипятилетнего мужчины, которого за последние недели довели до состояния загнанного в угол волка, тут же сработал жёсткий инстинкт самосохранения: «Безупречная. Спокойная. Ни грамма фальши напоказ… Тем опаснее. Самые страшные ловушки всегда выглядят именно так. Где здесь капкан и когда вы начнёте его захлопывать?»

В этот момент Игорь мягко нарушил молчание и официально представил хозяйку дома:

— Михаил Олегович, познакомьтесь — это Александра, хозяйка этого особняка.

Александра сделала плавный, грациозный шаг вперёд. Струящийся шёлк кремового платья в пол мягко коснулся паркета. С нежной, лёгкой улыбкой она протянула ему руку, и Миша медленно поднял свою ладонь. Его крупные, тёплые пальцы уверенно обхватили её тонкую руку. Михаил Олегович пожал её ладонь ровно так, как требовал этикет: сухо, сдержанно, ни секундой дольше, ни секундой меньше. Александра мягко отняла руку — кольцо с сапфиром тускло поймало дневной свет — и указала жестом на глубокое кожаное кресло напротив своего.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — её голос звучал ровно и благородно, без единой лишней вибрации, способной выдать дикое волнение. Выпрямив безупречную спину, она опустилась в своё кресло. — Признаться, я удивлена видеть вас в своём доме. Не знала, что у Игоря есть такие знакомые.

Миша неторопливо расстегнул верхнюю пуговицу своего графитового кашемирового пальто, но снимать его не стал. Он сел, массивным корпусом откинувшись на кожаную спинку, и опустил руки на подлокотники. Его тёмные карие глаза, хранившие смертельную мартовскую измотанность, продолжали цепко и подозрительно сканировать её лицо. В его душе полыхал чернейший негатив, и он даже не пытался скрыть свою колючую, оборонительную настороженность.

— Добрый день, Александра, — хрипловато ответил артист, и его бархатный баритон заставил её сердце пропустить удар. — Для меня этот визит тоже стал полной неожиданностью. Игорь был весьма немногословен в дороге.

Миша говорил резко, на грани открытой грубости, даже не пытался сгладить углы. Этот проклятый март выжал его досуха, лишил дома, статуса и покоя. Он уже забыл, когда в последний раз нормально спал, перебиваясь на чужих углах. Его откровенно тошнило от самого факта, что вокруг него снова вьётся какая-то девица, и это глухое, яростное раздражение сквозило в каждом слове. Он не знал, чего от неё ожидать, и эта неизвестность в чужом роскошном особняке лишь сильнее разжигала в нём волчью, защитную агрессию.

Александра искренне не понимала причин его ледяной, агрессивной отстранённости. Она понятия не имела о его катастрофе, о конфискованном имуществе и заблокированных

картах, и этот скрытый холод с его стороны сбивал с толку. Но её внутренний стержень — благородство, достоинство и честь — не позволили ей показать замешательство.

Посмотрев Мише прямо в глаза, она мягко, с той же нежной и тёплой улыбкой ответила:

— Игорь умеет хранить секреты, это правда. Но я всегда рада его друзьям. Надеюсь, дорога из Москвы вас не слишком утомила?

Миша в упор посмотрел ей в глаза, и в библиотеке на мгновение повисла хрустальная тишина. Заглянув в его тёмные карие глаза, Александра внезапно поняла, что в нём что-то глубоко изменилось: его всегда весёлые, харизматичные и жизнерадостные глаза сейчас отчаянно скрывали глухую, смертельную усталость, от которой у неё сжалось сердце. А Миша, вглядываясь в её нежную улыбку, вдруг споткнулся о её ответный взгляд. Он ожидал увидеть холодный расчёт очередной богатой девушки, которая пришла выставить ему счёт и использовать положение, а увидел глубокую, тщательно спрятанную грусть и боль, которая эхом отозвалась в его собственном изломанном сердце. Его паранойя на секунду дала трещину.

«Что это?.. — опешив, мысленно отреагировал на её взор Михаил Олегович, и ядовитая волна раздражения в его груди на миг утихла. — Откуда в этой девчонке столько затаённого, глухого страдания? Она же богата, успешна, у неё под ногами целый мир… Но в этих глазах сидит такая же ломающая рёбра боль, как и во мне. Такая же выжженная пустота». Эта неожиданная вспышка чужого, искреннего горя сбила его с толку, лишая привычных ориентиров для циничной обороны.

Не давая этой паузе затянуться и заметив, как плотно он кутается в верхнюю одежду, Александра мягко перевела взгляд на его плечи и добавила:

— Может быть, вы снимете пальто? В доме тепло.

Призыв к комфорту мгновенно вернул Мишу к суровой мартовской реальности. Внутренний волк снова оскалился, возвращая прежний контроль. Он по-прежнему был свято уверен, что она в курсе его позорного финала в кофейне и просто хочет воспользоваться его уязвимым положением. «Нет, дорогая, — жёстко подумал Юсупов, сильнее сжимая пальцы на подлокотнике кресла. — Воспользоваться моей слабостью я тебе не дам. Я не сниму эту броню. Я не стану ручным псом в твоей золотой клетке ради твоего развлечения».

— Спасибо, не стоит, Александра, — сухо, холодным тоном отрезал артист, демонстративно поправляя плотный воротник графитового кашемира. — Мне так удобнее. Я не планирую задерживаться у вас дольше, чем того требуют приличия.

Александра сохранила абсолютное самообладание, ни единым мускулом лица не выдав, как больно ранят эти несправедливые, колючие слова. Её киты чести и благородства не могли позволить ей ответить грубостью. Держа спину безупречно ровной, она мягко ответила:

— Как вам будет удобно. Может быть, не откажетесь от чая или кофе? Или хотите что-нибудь покрепче?

Миша тяжело, глухо выдохнул. Мужская гордость требовала немедленно отказаться от любого гостеприимства в этом доме, но измотанный организм взял своё. Три недели скитаний и этот чёртов пустой желудок требовали хотя бы глотка тепла. Взрослый, благородный мужчина сжал пальцы на подлокотнике кресла, удерживая лицо, и ответил с жёсткой, режущей прямотой:

— От чёрного кофе без сахара я бы не отказался, Александра. Если, конечно, за этим не последует контракт на право владения моей душой. А от «покрепче» откажусь. В моём положении алкоголь — слишком опасная роскошь.

В его баритоне прозвучала открытая, злая ирония. Он бил наотмашь, уверенный, что она прекрасно знала о его крахе и просто забавляется.

Александра искренне удивилась этой резкой, непонятной колкости про «контракт» и «положение». На её лице на мгновение отразилось глубокое непонимание, смешанное с вне-

запной, искренней тревогой за него — она действительно не имела ни малейшего представления о том, что стряслось в его жизни.

Миша, неотрывно следивший за её лицом, мгновенно это заметил. Его цепкий взгляд артиста зафиксировал эту мимолётную вспышку чистых эмоций, и это сбило его с толку. В его голове промелькнула растерянная мысль: «Она что… правда ничего не знает? Или так виртуозно играет?»

Её нежная, лёгкая улыбка вернулась, мягко гася его агрессивный выпад.

— Ну что вы, — спокойно и благородно произнесла она, глядя ему прямо в глаза. — В моём доме угощают бесплатно.

Александра плавно поднялась со своего кресла, и струящийся шёлк кремового платья в пол снова мягко зашуршал по паркету.

— Я пойду распоряжусь, — мягко добавила она, направляясь к выходу из библиотеки.

Игорь, молча стоявший у дверей, сделал полшага назад и бесшумно открыл перед ней массивную дубовую створку. Александра вышла в залитый дневным светом коридор, и дверь за её спиной мягко сомкнулась, оставив Михаила Олеговича наедине со своими тяжёлыми думами в звенящей тишине комнаты.

Глава 4

Александра вышла в залитый приглушённым дневным светом коридор, и массивная дверь за её спиной мягко сомкнулась, оставив Михаила Олеговича в звенящей тишине библиотеки.

Она неторопливо спускалась по широкой деревянной лестнице на первый этаж, чтобы отдать распоряжения пожилой помощнице насчёт кофе и чая. В доме пахло тёплым деревом, старыми книгами и влажной хвоей, тянувшей с террасы. Её внутренний стержень благородства и чести по-прежнему держал удар, но здесь, в тихом полумраке лестничного пролёта, из глаз вопреки воле покатились слёзы. Их было немного, но они беззвучно текли по щекам — чистая, жгучая боль от его ледяного холода и незаслуженных, резких колкостей. Александра ведь абсолютно ничего не понимала и была глубоко ранена. Для неё всё складывалось невероятно: мужчина, которого она тайно любила долгие годы, наконец переступил порог её дома. Но он смотрел и говорил так, словно ему было глубоко противно находиться здесь, рядом с ней, в её загородной крепости. И эта ядовитая, непонятная враждебность била наотмашь.

В это же время в библиотеке застыл густой, тяжёлый воздух. Миша сидел в кресле, по-прежнему не снимая своего графитового пальто. Три недели скитаний и бессонных ночей выжали из него все силы, поэтому измотанный разум реагировал глухо и заторможенно. Перед глазами стоял её образ: нежная, светлая улыбка и странный, пронзительный взгляд, в котором он отчётливо прочитал тщательно спрятанную боль. Он пытался сопоставить её тихое достоинство со своей колючей грубостью, но мысли путались от дикой усталости.

Тишину комнаты нарушил ровный, спокойный голос Игоря, по-прежнему стоявшего у двери:

— Михаил Олегович, забыл вас предупредить… Она ничего не знает о ваших проблемах.

Эта короткая реплика прозвучала как резкий щелчок выключателя, и внутри Миши всё мгновенно перевернулось.

Он не шелохнулся, но у левого виска, прямо у кромки волос, жёстко запульсировала жилка. Вся его слепая подозрительность, барьеры этого проклятого марта и уверенность в том, что очередная богатая наследница притащила его сюда ради циничной сделки, рухнули в одно мгновение, оставив после себя выжженное поле. Ему стало невыносимо, до боли стыдно за свою резкость перед девушкой, чья душа хранила такую же глубокую, невысказанную боль. Сердце Юсупова забилось тяжело, глухо, а в груди разлилось давящее раскаяние: он вслепую ударил человека, который встретил его с таким тихим достоинством и теплом.

Он медленно поднял голову. Растерянность в его глазах мгновенно сменилась глухим возмущением. Сдерживая гнев, он жёстко, с нажимом спросил:

— Почему вы не сказали мне об этом сразу, Игорь? Почему в машине молчали?!

— Вам нужно было доехать сюда, Михаил Олегович, — спокойно, без тени оправдания ответил Игорь, удерживая его взгляд. — А не развернуться на полпути из-за своей гордости.

Миша ничего не ответил. Навалившиеся переживания, вина и мартовская измотанность сплелись в тугой узел, перехватывая дыхание. Он лишь тяжело опустил голову, признавая горькую правоту Игоря. Сидеть в кресле под прицелом собственного раскаяния стало невыносимо.

Юсупов резко поднялся, подошёл к большому окну и остановился спиной к комнате, уперевшись ладонью в прохладное стекло и всматриваясь в сырой мартовский лес.

Игорь негромко подошёл ближе и произнёс мягче, но с прежней спокойной уверенностью:

— Послушайте. Александра — единственный человек, у которого хватит и возможностей, и внутреннего благородства, чтобы вытащить вас из этой ямы без всяких скрытых усло-

вий. Я знаю её много лет: если она протягивает человеку руку, она никогда не бьёт в спину. Просто дайте ей возможность вас выслушать.

Миша промолчал, оставаясь таким же зажатым и напряжённым, лишь продолжал всматриваться в серый лес за стеклом.

Прошло несколько минут. Внизу, у входа на кухню, откуда уже тянуло густым ароматом свежемолотого кофе, Александра дала себе возможность побыть одной, чтобы взять себя в руки. Дождалась, пока утихнет буря в груди, глубоко вздохнула и стёрла с лица следы слёз.

Когда она наконец плавно открыла массивную дубовую дверь и вернулась в библиотеку, Миши в кресле уже не было. Он по-прежнему стоял у окна, глядя на серые стволы сосен. Его графитовое кашемировое пальто всё ещё было на нём, но осанка сейчас казалась напряжённой до предела. Услышав лёгкий шорох её шагов, он медленно, тяжело повернулся.

На её щеках не осталось и следа недавней слабости, а на губах снова играла та самая нежная, светлая улыбка гостеприимной хозяйки дома. Александра посмотрела на него и мягко произнесла:

— Всё готово. Прошу вас, спустимся в гостиную.

Миша в упор посмотрел на неё, и дыхание его на миг перехватило. От недавней слепой враждебности не осталось и следа, а привычная чуткость и внимательность актёра позволили ему мгновенно увидеть всё, что она так старательно прятала. Он заметил, что за её тёплой улыбкой и внешней царственной невозмутимостью в самой глубине глаз ещё отчётливо поблёскивала влажная тень недавних слёз. И та тщательно спрятанная боль, которую он уловил в ней с первой минуты, теперь проступила наружу ещё яснее, ещё острее.

Взрослый, гордый мужчина смотрел на неё, и внутри ожогом горело острое, невыносимое чувство вины. Одно дело — огрызаться на равного противника, и совсем другое — видеть скрытые слёзы хрупкой, благородной девушки, которую он сам же ранил вслепую, не разобравшись.

Его привычная броня и глухая зажатость никуда не делись — три недели травли не так-то просто отпустить за пару минут. Но злая, оборонительная агрессия сменилась мрачным стыдом и полной растерянностью: он сам ещё не знал, как теперь себя вести и какие слова подобрать. Его взгляд задержался на её лице ещё на долю секунды, а затем он глухо, хрипловато выдохнул:

— Хорошо.

Миша сделал широкий, торопливый шаг, обходя её стороной — ему нестерпимо хотелось поскорее вырваться из этой комнаты, ставшей свидетельницей его стыда, — и первым вышел в коридор. Он шёл чуть впереди, размашистым, сдержанным шагом направляясь к лестнице на первый этаж.

Александра двинулась следом, а Игорь негромко прикрыл за ними дверь библиотеки и спустился вслед за ними.

Глава 5

Миша первым ступил на паркет просторной, залитой мягким дневным светом гостиной. Он шёл тяжело, сдержанным шагом, и его недавняя агрессия теперь смешалась с навалившейся, изнуряющей усталостью.

Широкая лестница второго этажа сразу переходила в открытое пространство гостиной, наполненное домашним мартовским теплом. В углу по-прежнему тихо плыл по комнатам голос Бруно Пеллетье, у одной из стен уютно потрескивал дровами камин, а в центре, у мягкого дивана, стоял изящный журнальный столик. Пожилая помощница успела всё безупречно подготовить к их спуску: на светлом дереве поднимался лёгкий пар от трёх чашек — чёрный кофе без сахара для Миши, ароматный чай для Александры и ещё один свежезаваренный чай для Игоря.

Миша остановился у камина, не зная, куда деть руки. Он по-прежнему стоял, не снимая своего графитового пальто, и внутри него всё горело от жгучего, невыносимого стыда. Пятидесятипятилетний кумир миллионов молчал — и вовсе не из-за гордости. Ему было настолько мучительно неловко за свои слова про «контракт на право владения душой», и он был настолько смертельно измотан этим проклятым мартовским кошмаром, что слова просто застряли в горле. Но при этом в его сознании всё ещё тлела колючая, защитная подозрительность. Перенесённый за три недели излом не мог отпустить его за секунду: он по-прежнему ждал подвоха и судорожно пытался понять, зачем его привезли в этот скрытый особняк.

Они с Александрой не смотрели друг другу в глаза.

Застыв у камина, Миша неотрывно, исподлобья наблюдал, как она медленно спускается по последним ступенькам лестницы. Её внутренний стержень благородства и чести по-прежнему держал удар, на щеках не осталось и следа от недавних слёз, а на губах играла та самая нежная, лёгкая улыбка гостеприимной хозяйки дома.

Но теперь, зная от Игоря, что она ни о чём не подозревает, Миша взглянул на неё совершенно иначе, словно увидел впервые. Когда он вошёл в библиотеку, пелена враждебности, злости и ожидания грязной ловушки мешала ему разглядеть реальность — он видел лишь образ «очередной богатой хозяйки жизни». Теперь же, когда эта пелена спала, его внимательный взгляд открыл её заново. У него не оставалось сил на восторги, разум соображал тяжело, но он не мог не признать очевидное: перед ним была очень красивая девушка. В её собранных волосах, в аккуратном кольце из белого золота с сапфиром на указательном пальце и в том, как безупречно струилось кремовое платье в пол, сквозила настоящая аристократичная грация. В его измотанной голове крутились рваные, тяжёлые мысли:

«Держится-то как, с каким достоинством, несмотря на то, что я её только что оскорбил. И всё-таки зачем она так улыбается, если внутри всё болит? Но главное — кто же ты такая, Александра? Зачем твой Игорь привёз меня именно к тебе, если ты даже не в курсе моей катастрофы? Что за игру он ведёт за твоей спиной?»

Каждый её плавный шаг по паркету отдавался в его груди глухим ударом раскаяния. Александра пересекла гостиную и подошла прямо к нему, и струящийся шёлк платья мягко зашуршал у её ног. В глубине её глаз боль от его незаслуженного холода проступила ещё яснее, но она сохраняла безупречную вежливость. Девушка искренне не понимала, почему этот взрослый, сильный мужчина так напряжён, почему он замер с этим диким, виноватым и одновременно настороженным выражением на измотанном лице.

Игорь безмолвно спустился по лестнице последним, замыкая шествие. На его лице играло привычное, невозмутимое спокойствие. Он не проронил ни единого слова, ни единым

жестом не выдал правды. Он просто подошёл и встал чуть поодаль у лестницы, молча наблюдая за этой натянутой до предела сценой.

Удерживая на губах нежную, тёплую улыбку, Александра посмотрела Михаилу Олеговичу прямо в глаза и мягко нарушила звенящую тишину гостиной:

— Михаил Олегович, может быть, вы всё же снимете пальто? Даю вам слово, что в моём доме вас никто не обидит и вы сможете уйти, когда захотите. Надеть пальто и выйти — это дело на пару минут, но без него вам будет удобнее.

Миша замер, и его карие глаза на секунду расширились от этого прямого, обезоруживающего попадания в его внутренние страхи. Слова прозвучали настолько искренне и с таким глубоким уважением к его свободе, что сопротивляться им не было ни сил, ни смысла. Мучительному стыду внутри Юсупова стало окончательно тесно в груди. Он медленно опустил взгляд, чувствуя, как раскаяние перехватывает дыхание.

Миша тяжело, глубоко вздохнул, и его пальцы наконец поднялись к вороту. Медленными движениями он расстегнул оставшиеся пуговицы своего графитового кашемирового пальто, бережно снял его с широких плеч, оставаясь в строгой тёмно-серой водолазке, и аккуратно повесил пальто на спинку стоявшего рядом кресла. Открытая враждебность ушла, но привычная настороженность никуда не делась — в его карих глазах по-прежнему читались зажатость, растерянность и глубокое раскаяние.

Он поднял взгляд на Александру, и его бархатный баритон прозвучал тихо и сдержанно:

— Спасибо, Александра… Вы правы. Так действительно… удобнее.

Игорь в это время оставался стоять чуть поодаль, безмолвно наблюдая за происходящим.

Михаил Олегович на секунду задержал взгляд на своих ладонях, словно пытаясь справиться с нахлынувшими переживаниями и неловкостью, а затем снова посмотрел на хозяйку дома:

— Если позволите, я бы хотел на минуту отлучиться и помыть руки с дороги.

— Конечно, Михаил Олегович. Я провожу, — мягко ответила Александра, сделав несколько плавных шагов к выходу из гостиной.

Гостевая ванная комната находилась совсем рядом, в паре шагов от зала. Александра проводила его до самой двери, лично указав на неё. Миша коротко, уважительно кивнул и скрылся внутри, стремясь поскорее остаться наедине со своими мыслями и унять липкий стыд.

Александра спокойно и бесшумно вернулась обратно в гостиную. Её внутренний стержень благородства и чести держал внешнее спокойствие, но внутри всё дрожало. Она подошла прямо к Игорю, который так и не сдвинулся с места, посмотрела на него и тихо, сдерживая рвущиеся наружу эмоции, произнесла:

— Игорь, я ничего не понимаю...

Глава 6

— Игорь, я ничего не понимаю.

Игорь посмотрел на Александру сверху вниз и заговорил тихим, сдавленным шёпотом, от которого у неё по коже побежал мороз:

— У него огромные проблемы. У него не осталось ничего. Последние две ночи он ночевал в аэропорту. Я нашёл его сегодня и привёз к тебе. Я знаю, что ты ему поможешь.

Слова Игоря безжалостно били наотмашь, срывая с её глаз пелену неведения. Александра стояла посреди гостиной, её саму словно обдало ледяным холодом, а в голове оглушительным эхом вибрировала только одна страшная мысль: «В аэропорту… Два дня на ногах, без сна, на вокзальных скамьях… Мужчина, которого я так люблю. Великий актёр, любимец миллионов, остался буквально на улице».

Она подняла взгляд на Игоря, и в её шёпоте звенящим набатом проступили глухое недоумение и острая боль:

— Но почему?.. Кому он помешал?

Игорь едва заметно нахмурился, бросив короткий взгляд на дверь ванной комнаты, и ответил предельно лаконично, вполголоса:

— Одна девица с деньгами и влиятельным папашей. Которой Миша отказал.

За дверью ванной комнаты стих шум воды и мягко щёлкнул замок — его короткое уединение подошло к концу. У Александры оставалось всего несколько секунд до того, как дверь откроется и этот смертельно уставший мужчина вернётся в гостиную к своему остывающему чёрному кофе.

И в эту секунду к ней наконец пришло полное понимание его недавней агрессии. Всё встало на свои места: и его ледяное поведение, и дикий, защитный взгляд, и злые колкости про «контракт на право владения душой». Он ведь был уверен, что она всё знает! Что она — ещё одна богатая девица, которая решила воспользоваться ситуацией, притащила его в свой скрытый особняк и хочет цинично купить его, заставив платить остатками гордости. Он просто защищал своё мужское достоинство, слепо отбиваясь от воображаемого капкана.

Шок требовал ответов, и Александра тихо спросила у своего верного помощника:

— Откуда ты это всё знаешь?

— Давай об этом потом, — мягко, сдержанно и очень уважительно попросил Игорь, давая понять, что сейчас не время для долгих рассказов.

В этот момент дверь ванной комнаты мягко открылась — так совпало, что в гостиной как раз звучал мощный, пронзительный первый припев знаменитой итальянской «Vivo per lei» в исполнении Бруно Пеллетье. Миша вышел на паркет и сразу увидел, что Александра с Игорем стоят вдвоём у лестницы и негромко разговаривают. Без своего графитового пальто, в одной обтягивающей тёмно-серой водолазке, он казался одновременно мощным и уязвимым.

Александра медленно повернула голову к нему. Её внутренний стержень держал лицо, но за эти несчастные две минуты сквозь неё пронёсся такой ураган, что в её глазах Миша отчётливо увидел запредельный, леденящий шок. Он замер на месте и мгновенно, без слов понял: Игорь только что рассказал ей абсолютно всё. Теперь она знала о его ночёвках в аэропорту и полном крахе — и больше всего в эту секунду взрослому, гордому мужчине не хотелось увидеть в её взгляде жалость.

Александра сделала глубокий вдох и снова взяла себя в руки. На её губы вернулась лёгкая, нежная улыбка.

В это же время в гостиную вошла тётя Таня — пожилая помощница. Нарушая звенящую, натянутую до предела тишину, она аккуратно вынесла на красивом фарфоровом блюде свежие, аппетитные пирожные к чаю и кофе, бесшумно опуская их на журнальный столик в цен-

тре зала. Тётя Таня ласково кивнула и так же незаметно удалилась, оставив гостиную первого этажа в распоряжении её хозяев и гостя. Бархатный голос Бруно Пеллетье продолжал мягко струиться из динамиков, а дрова в камине уютно и размеренно трещали, заполняя комнату живым теплом.

Миша медленно вернулся в гостиную. Под спокойным взглядом Игоря и после той ошеломляющей немой сцены, когда он прочитал в её глазах шок, он чувствовал себя непривычно открытым в своей обтягивающей тёмно-серой водолазке. Давящая неловкость за грубость в библиотеке никуда не делась, но и колючая настороженность не отпускала: теперь, когда она всё знала, он по-прежнему держал внутри глухую оборону, как раненый, ощетинившийся волчонок, не понимая, чего ждать дальше. Михаил Олегович подошёл к глубокому кожаному креслу напротив дивана у журнального столика и замер.

Александра плавно сделала шаг навстречу, полностью вернув себе самообладание. На её губах снова играла нежная, лёгкая улыбка гостеприимной хозяйки дома, хотя в глубине её глаз всё ещё читалась тихая, щемящая боль за него.

— Присаживайтесь, — мягко, с искренним теплом произнесла она, указывая жестом на чашку исходившего паром чёрного кофе без сахара.

Миша тяжело опустился в кресло, откинувшись на кожаную спинку. Александра плавно села на диван прямо напротив него, удерживая безупречно ровную осанку графини. Игорь, сохраняя своё неизменное спокойствие, неторопливо подошёл и сел на диван рядом с ней, безмолвно обозначая её надёжную защиту.

Они оказались друг напротив друга у журнального столика. Миша опустил взгляд на свои ладони, лежащие на подлокотниках кресла, не зная, с чего начать этот разговор теперь, когда карты были раскрыты. Стыд за поспешные обвинения наверху смешивался с настороженным ожиданием: как она поведёт себя теперь, зная о его нищете?

Александра мягко перевела взгляд на исходившие паром чашки, стремясь разрядить эту натянутую, звенящую тишину, и с нежной улыбкой спросила:

— Вам не мешает музыка?

Миша медленно поднял голову. Её простой, тактичный вопрос прозвучал в этой наэлектризованной тишине удивительно мягко. Он внимательно вгляделся в её карие глаза, напряжённо пытаясь поймать там то, чего боялся больше всего — унизительную жалость. Но жалости там не было ни капли: только тихое уважение и светлое тепло.

Он слегка повёл широкими плечами под тонкой тканью тёмно-серой водолазки и ответил своим глубоким, бархатным баритоном, в котором проступила сдержанная мужская мягкость:

— Нет, Александра… Что вы. Музыка прекрасная.

Юсупов на секунду замолчал, словно взвешивая каждое слово, а затем протянул руку к журнальному столику и осторожно взял чашку. Миша сделал первый, долгий глоток крепкого чёрного кофе без сахара, прикрыл на мгновение глаза и едва заметно выдохнул, чувствуя, как долгожданное тепло наконец разливается по телу, возвращая ему способность мыслить.

Александра плавно перевела взгляд на Игоря, который сидел рядом с ней на диване и спокойно держал чашку со своим чаем. Её верный друг оставался безмолвным, уважительно давая ей полную свободу действий и не вмешиваясь в разговор.

Она снова посмотрела на Мишу. Зная теперь от Игоря про его две ночи в аэропорту, Александра с трудом удерживала нежную улыбку — сердце сжималось от острой, щемящей боли за этого сильного, но так жестоко преданного человека. Её киты благородства и чести требовали немедленно окружить его заботой, но так, чтобы ни в коем случае не задеть остатки его мужского достоинства.

Александра плавно потянулась вперёд, и аккуратное кольцо из белого золота с сапфиром на указательном пальце правой руки тускло отразило пламя камина. Грациозным, мягким

движением она придвинула фарфоровое блюдо с пирожными поближе к Мише и с нежной, тёплой улыбкой произнесла:

— Угощайтесь. Наша тётя Таня сама их печёт.

Миша проводил взглядом её движение, чувствуя, как от этой простой и чистой заботы внутри немного отступает мартовский холод. Он бережно держал в руках чашку с горячим кофе, и его карие глаза, ещё хранившие следы смертельной усталости, смотрели на неё теперь внимательнее — с тихим, но всё ещё настороженным признанием её благородства.

Александра плавно вернулась в прежнее положение, удерживая безупречную осанку графини на диване, и мягко добавила, переводя взгляд на пространство гостиной:

— Вы знаете, я очень люблю, когда в доме играет музыка.

Этот штрих прозвучал как тихое, очень личное откровение. Она делилась с ним частичкой своего скрытого мира, и Миша это почувствовал. Бархатный вокал Бруно Пеллетье продолжал негромко окутывать гостиную, камин размеренно трещал дровами, а Игорь рядом с ней на диване по-прежнему молча пригубливал свой чай, сохраняя спокойствие и давая им полную свободу этого тонкого, взрослого диалога.

Миша перевёл взгляд с фарфорового блюда со свежими пирожными на её лицо. Её спокойные слова о любви к музыке и эта чистая, лишённая всякого нажима забота сбивали его с толку. Разум, измученный мартовским адом и отсутствием сна, работал тяжело, и внутренний, ещё не до конца доверяющий миру зверёк продолжал настороженно прислушиваться к каждому её слову.

«Она любит, когда в доме играет музыка… — думал Михаил Олегович, глядя на неё. — Сидит напротив, улыбается так мягко, предлагает домашнюю выпечку. Она ведь действительно ничего не знала тогда, в библиотеке… Я ворвался в её дом как дикий, ощетинившийся волк, наговорил ей гадостей про сделку и контракт, а она отвечает на мою грубость абсолютным, породистым благородством. Но теперь-то Игорь ей всё рассказал. Она знает, что я на самом дне. Что же дальше? Неужели и правда ничего не попросит взамен? Почему… почему здесь, в этом доме, под шёпот Пеллетье, мне впервые за все эти три недели не хочется бежать? Почему рядом с ней эта тяжесть в костях перестаёт казаться смертельной?»

Мужчина едва заметно повёл широкими плечами под тёмно-серой водолазкой, бережно сжимая пальцами тёплый фарфор чашки с кофе, и в его карих глазах сквозь привычную осторожность проступило совершенно новое, взрослое уважение к ней.

Михаил Олегович ещё несколько секунд молча смотрел на фарфоровое блюдо, переваривая свои мысли, а затем медленно поднял на Александру взгляд. Напряжение, сковывавшее его плечи, лишь чуть-чуть отпустило.

Впервые с момента их встречи на его измотанном лице появилась улыбка. Она вышла блёклой, натянутой и чисто вежливой — мартовский ад, две ночи без сна в аэропорту и всё ещё живущая внутри настороженность не позволяли улыбнуться искренне и открыто. Но сам этот жест в сторону гостеприимной хозяйки дома говорил о многом. Миша аккуратно поставил чашку с чёрным кофе на журнальный столик и произнёс своим глубоким, бархатным баритоном:

— Спасибо, Александра.

Его голос прозвучал сдержанно и тепло. Он протянул руку к фарфоровому блюду и аккуратно, из чистого уважения к её безупречному благородству и труду тёти Тани, взял одно пирожное.

Александра смотрела на то, как он аккуратно берёт с блюда пирожное, как натянулась эта вежливая, усталая улыбка на его лице, и внутри неё всё сжалось от щемящей, острой боли за него. Её лёгкая улыбка оставалась на губах, но в мыслях был полный переворот.

«Господи, в аэропорту… Два дня на ногах, на жёстких скамейках… — думала она, и к горлу подкатывал тяжёлый комок. — Мой любимый Миша, всегда такой уверенный, харизма-

тичный, остался совсем один, на улице. Как же сильно его измотали, если он так зажался. И вся эта его злая колкость в библиотеке… Он ведь просто думал, что я очередная богатая девица, которая хочет воспользоваться его бедой и купить его. Он защищал свою гордость, бедный… Ему казалось, что его заманивают в ловушку».

Александра видела, как тяжело ему даётся эта обычная светская вежливость, и внутри неё росло только одно огромное, чистое желание — согреть его, спрятать от всего мира в этом доме и дать ему наконец выспаться и прийти в себя.

Она сделала незаметный, мягкий вдох.

Глава 7

Она сделала незаметный, мягкий вдох.

Посмотрев Мише прямо в глаза — спокойно, без тени ложной жалости, но с той самой нежной и тёплой улыбкой, Александра тихо произнесла:

— Михаил Олегович, я вижу, как вы измотаны. Давайте отложим разговоры на потом. Сейчас вам нужно просто выспаться и прийти в себя. Обещаю, вас никто не побеспокоит. Допивайте кофе и отдыхайте. А когда вы отдохнёте, мы поговорим.

Её чистый, благородный голос прозвучал в гостиной удивительно веско и мягко, окончательно лишая его необходимости защищаться. Эти простые, прямые слова попали в самую цель: девушка не задела его мужскую гордость и не выставила никаких условий — просто дала законное право на покой.

Миша замер с пирожным в руке, с растерянным изумлением всматриваясь в её лицо. Вся былая настороженность и стыд за резкость в библиотеке окончательно растворились под этим прямым, понимающим взглядом. Он вдруг отчётливо осознал, что эта красивая, светлая девушка действительно предлагает ему безусловную безопасность.

Под тонкой тканью тёмно-серой водолазки было видно, как глубоко он выдохнул, отпуская давившую весь день каменную скованность. Измученное двумя сутками без сна тело наконец позволило себе передышку у тёплого камина.

Миша задержал взгляд на столе, и в голове пронеслись тихие, ясные мысли: «Никаких условий… Никаких капканов. Она просто всё поняла и избавила меня от этого унизительного театра. Сколько же в этой девушке истинного благородства и такта, если она смогла парой фраз вернуть мне право оставаться мужчиной. Я пришёл к ней с войной, а она укрыла меня от бури, даже не спросив имени моего врага. Хватит бороться, Юсупов. Здесь тебя не предадут».

Михаил Олегович поднял на неё спокойный, потеплевший взгляд, в котором теперь читалось глубокое мужское уважение. Его бархатный баритон прозвучал непривычно тихо, но удивительно мягко:

— Спасибо, Александра. Вы… просто удивительная девушка. Я, пожалуй, не откажусь.

Александра мягко покачала головой, сглаживая это внезапное признание, и улыбнулась легко и искренне:

— Ну что вы, я обычная девушка.

В гостиной на пару минут воцарилась уютная тишина, нарушаемая лишь потрескиванием поленьев в камине. Миша благодарно кивнул, доел нежное домашнее пирожное и не спеша допил свой кофе. Поставив пустую чашку на столик, он медленно поднялся с кресла и взял со спинки своё графитовое кашемировое пальто.

Увидев, что гость готов, Александра плавно встала с дивана — шёлк кремового платья в пол бесшумно скользнул по паркету — и мягко пригласила:

— Пойдёмте, я вас провожу.

Девушка сделала несколько шагов к лестнице, ведущей на второй этаж.

Миша, только что поднявшийся с кресла, на мгновение замер. На его лице промелькнула слабая, но теперь совершенно безоружная улыбка. Высокий, статный мужчина в облегающей тёмно-серой водолазке перекинул кашемировое пальто через руку и молча двинулся следом за ней, полностью доверившись её плавному шагу. От прежней колючей подозрительности не осталось и следа — тяжёлая усталость двух ночей в аэропорту вела его к долгожданному покою.

Игорь остался внизу, у журнального столика. Он не нарушал тишину, не пытался поймать взгляд Александры и лишь безмолвно, с привычным спокойствием провожал их взглядом.

Они медленно поднимались по широким ступеням открытой лестницы на второй этаж, оставляя позади уютное потрескивание дров в камине и бархатный голос Бруно Пеллетье.

Александра шла чуть впереди, и шёлк её кремового платья мягко шуршал по дереву. Миша следовал за ней сдержанным, тяжёлым шагом, держа на руке пальто. Накопленная за двое суток усталость навалилась на него всем весом, и каждая ступень давалась с трудом. Поднимаясь следом на шаг ниже, Михаил Олегович скользнул измученным взглядом по её причёске со спины — мимолётно отметил, как аккуратно уложены волосы, и в этом спокойном домашнем образе было столько тихого света, что его истерзанные нервы начали понемногу отпускать.

Глядя на её собранные волосы и слушая, как внизу затихает голос Бруно Пеллетье, Юсупов думал: «„Я обычная девушка“… Надо же, как просто она это сказала. Без спеси, без высокомерия, которое я привык видеть у женщин с большими деньгами и влиянием. В ней нет желания додавить, растоптать мою гордость. Она всё поняла — поняла, что мне некуда бежать, и сама ведёт меня наверх, чтобы дать спокойно выспаться. Господи, какая же она чистая… Как мне сейчас мучительно стыдно за каждую колючую гадость, которую я наговорил ей в библиотеке. Я шёл сюда как на казнь, ждал ловушки, а встретил её… И почему рядом с ней впервые за этот проклятый март хочется просто закрыть глаза и поверить, что этот ад наконец-то закончился?»

Мужчина тяжело вздохнул, сохраняя прямую выправку, несмотря на смертельную усталость.

Они ступили на площадку второго этажа, где в мягком свете настенных бра открывались двери нескольких комнат. Александра плавно повернулась к Михаилу Олеговичу, удерживая на губах ту же нежную, тёплую улыбку, и с безупречным тактом произнесла:

— К сожалению, не могу предложить вам большой выбор спален, но всё же вы можете взглянуть на несколько и выбрать любую, какая вам понравится.

Миша замер с пальто на руке и медленно перевёл на неё взгляд карих глаз. Пелена измотанности на секунду отступила, обнажая глубокую, немую благодарность, которую он больше не пытался прятать. Для человека, который последние две ночи провёл на жёстких, холодных скамейках в аэропорту, это предложение прозвучало как высшая степень заботы.

Он едва заметно улыбнулся — без всякой натянутости, просто вежливо и очень устало. Его бархатный баритон прозвучал совсем тихо:

— Спасибо, Александра. Мне подойдёт абсолютно любая. Главное, чтобы там была кровать и душ. Большего мне сейчас и не нужно.

Мужчина не стал заглядывать в другие комнаты. Он лишь коротко кивнул ей в знак благодарности и показал жестом, что готов зайти в ближайшую дверь, чтобы наконец остаться наедине с этой исцеляющей тишиной, смыть с себя дорожную пыль и сбросить тяжесть последних дней.

— Тогда давайте выберем ближайшую, — мягко сказала Александра и нажала на ручку двери, возле которой они стояли.

За порогом открылась комната, в которой сразу угадывались безупречный вкус хозяйки и стремление к истинному уюту. Интерьер был выдержан в благородных, глубоких синих тонах, но спальня вовсе не казалась мрачной. Мягкий дневной свет из большого окна, обрамлённого плотными шторами цвета ночного неба, ложился на стены сложного сапфирового оттенка. Синева стен идеально уравновешивалась тёплыми деталями: паркетом из натурального дуба, мебелью из тёмного дерева и мягким креслом в углу.

Центральное место занимала широкая высокая кровать с массивным деревянным изголовьем, застеленная объёмным стёганым покрывалом приглушённого синего цвета с лёгким серебристым отливом и горой пушистых подушек. Небольшой камин у противоположной стены сейчас не горел, но сам его вид добавлял комнате домашнего тепла, а рядом располагалась дубовая дверь, ведущая в отдельную ванную.

Вся эта спальня дышала глубокой, обволакивающей тишиной. Было ясно: как только за гостем закроется дверь, этот мир надёжно укроет его от любых бурь и преследований, возвращая право на покой.

Александра посмотрела на Михаила Олеговича и с той же нежной, тёплой улыбкой мягко произнесла:

— Позвольте, я зайду и всё вам покажу.

Миша замер на пороге, бережно удерживая на руке графитовое кашемировое пальто. Его карие глаза медленно скользнули по просторной спальне в глубоких синих тонах, останавливаясь на мягком полумраке и высокой кровати, обещающей долгожданный покой. На его измотанном лице отразилось мгновенное изумление, которое тут же сменилось тихим, глубоким облегчением. Усталость двух бессонных ночей в аэропорту словно разбилась о это обволакивающее домашнее тепло, а былая колючая подозрительность окончательно растаяла.

Впервые с момента их встречи он улыбнулся ей — ещё немного устало, но совершенно открыто и искренне. Посмотрев на неё сверху вниз, мужчина едва заметно выдохнул, чувствуя, как отступает давившее весь день напряжение.

Его бархатный баритон прозвучал негромко, с тёплой, чуть хрипловатой искренностью:

— Спасибо, Александра… Комната просто потрясающая. Да, если вам не трудно, покажите, пожалуйста. Я буду вам очень благодарен.

Получив его согласие, Александра плавно переступила порог — шёлк её платья мягко зашуршал по дубовому паркету, увлекая гостя за собой.

Девушка прошла вглубь комнаты, и струящаяся ткань кремового платья изящно обрисовала её силуэт, когда она остановилась посреди спальни. Миша осторожно вошёл следом. Он аккуратно положил своё кашемировое пальто на подлокотник кресла в углу и замер в этом спокойном синем полумраке, не сводя с неё глубокого взгляда. Даже сквозь предельную усталость он сохранял природное мужское достоинство, но каменная скованность, стягивавшая его последние дни, наконец ушла.

Александра подошла к дубовой двери и мягко распахнула её, приглашая гостя заглянуть внутрь.

— Вот здесь ванная, — негромко произнесла она.

Девушка сделала шаг вперёд, чтобы показать устройство комнаты. Душ в доме был необычным, со сложной современной системой управления, поэтому она протянула руку и наглядно показала Михаилу Олеговичу, как именно он включается. Аккуратное кольцо из белого золота с синим сапфиром на указательном пальце правой руки мягко поймало блик света, когда Александра открыла створку встроенного шкафа:

— Здесь есть всё необходимое: чистые пушистые полотенца, халат и свежие принадлежности. Вы можете пользоваться всем.

Миша шагнул ближе, оказавшись совсем рядом с ней в пространстве ванной комнаты. Внимательно наблюдая за её движениями, он вдруг поймал себя на том, что смотрит вовсе не на шкаф и не на панель душа. Его взгляд неотрывно следил за тонкими, изящными пальцами с безупречным маникюром, которые так плавно и уверенно скользили по дереву. Затем мужчина медленно перевёл взор выше — на аккуратно собранные волосы со спины, от которых несколько непослушных прядей трогательно выбились у шеи, и опустился на благородный разворот её хрупких плеч. Именно в этот миг, оказавшись совсем близко, Михаил Олегович невольно уловил её аромат. От Александры исходил тонкий, едва уловимый шлейф нежных духов — с лёгкими нотками белых цветов и утренней свежести, смешанный с запахом чистоты и дорогого шёлка. Этот мягкий, ненавязчивый аромат мгновенно окутал его, вытесняя въевшуюся за двое суток пыль аэропорта, а от самой девушки веяло таким тихим покоем и свет-

лым благородством, что его последние сомнения окончательно растаяли. В его взгляде больше не осталось и следа прежней колючей брони. В карих глазах отразилась глубокая неловкость за резкие нападки в библиотеке: ему стало мучительно стыдно, что он мог заподозрить эту светлую девушку в желании «купить его душу», когда она с таким редким тактом открывала перед ним двери своего дома. Александра плавно вернулась в спальню и остановилась у самого порога, сохраняя безупречно ровную осанку хозяйки дома и свою нежную, тёплую улыбку. В глубине её глаз всё ещё пряталась тихая боль за то, через какие испытания пришлось пройти этому сильному мужчине, но внутренний такт бережно хранил его гордость от любой навязчивой жалости. Перед уходом она мягко посмотрела на камин, встроенный в стену спальни, и предложила: — Михаил Олегович, если хотите, дядя Лёша может прийти, пока вы будете в душе, и растопить камин. К вашему выходу в комнате станет совсем тепло. Миша едва заметно покачал головой, и его бархатный баритон прозвучал негромко, чуть охрипшим от усталости голосом: — Спасибо, Александра… Не нужно, здесь и так удивительно тепло. Тогда девушка сделала ещё один бережный, заботливый шаг. Понимая, что гость двое суток провёл в дороге в одной и той же одежде, она мягко добавила: — Пока вы будете спать, ваши вещи могут постирать, если вы не против. К вашему пробуждению всё будет готово. Мужчина на секунду замер, поражённый этой тонкой заботой, которая не задевала его самолюбие, а дарила настоящий человеческий покой. Миша неловко переступил с ноги на ногу: на его измотанном лице вежливая улыбка сменилась секундным замешательством человека, давно отвыкшего от такой бескорыстной теплоты. Но изнуряющая усталость двух бессонных ночей и тихий уют синей спальни лишили его всякого желания спорить. Он опустил взгляд и ответил тихо, с искренней признательностью: — Спасибо, Александра, вы очень добры… Я буду вам признателен. Юсупов помедлил. Вместо того чтобы сразу уйти в ванную, он задержался посреди комнаты: тяжёлое раскаяние за вчерашнюю грубость в библиотеке требовало выхода. Он не мог просто закрыть дверь, оставив между ними этот тёмный след своей слепой подозрительности. Михаил Олегович медленно поднял голову и посмотрел ей прямо в глаза — совершенно открыто, без прежней защиты. Его голос прозвучал негромко, но веско, с обнажённой мужской прямотой: — Александра… Простите меня за то, что было в библиотеке. Я вёл себя как последний подлец. Мне действительно мучительно стыдно перед вами. В каждом слове чувствовался вес уязвлённой, но благородной гордости, которая полностью отступила перед её добротой. Александра мягко, с той же светлой улыбкой покачала головой, не позволяя себе выдать ни единым жестом, как глубоко тронули её эти слова: — Всё в порядке, Михаил Олегович. Забудьте. Отдыхайте, вас никто не побеспокоит. Приятных снов. Миша лишь молча, с глубоким уважением склонил голову, принимая этот долгожданный покой. Она плавно потянула за ручку и мягко прикрыла за собой массивную дубовую дверь спальни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.